

УДК 81.42

DOI 10.18413/2075-4574-2019-38-2-253-262

**ИГРОВАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ТЕКСТА
В СВЕТЕ ТЕОРИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ****THE GAME FOCUS OF PRECEDENT TEXT IN VIEW OF THEORY
OF INTERTEXTUALITY****И.И. Чумак-Жунь, Г.Ю. Мальцева
I.I. Chumak-Zhun, G.Y. Maltseva**Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, Белгород, ул. Победы, д. 85Belgorod National Research University,
85 Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: chumak@bsu.edu.ru, maltseva_g@bsu.edu.ru

Аннотация

Акцентируется определение интертекстуальности как специфической особенности организации текстов в единое взаимосвязанное целое. Прецедентность определяется как одно из проявлений интертекстуальности. Особенностью прецедентного текста является его репрезентированность. Отсылка к прецедентным текстам представляется как один из способов организации игровой поэтики художественного дискурса. Делается вывод, что в рамках интертекстуальности использование прецедентных текстов применяется для достижения определенной цели, оформляет глубину текста, позволяет через минимальные включения ввести большой объем информации. Анализируется концепция интертекстуальности Ю. Кристевой, фундаментом которой являются идеи диалогичности и амбивалентности М.М. Бахтина. Дискурс, а именно текст в дискурсивном аспекте, напрямую соотносится с интертекстом. Доказательством репрезентированности прецедентного текста выступает предложенный в статье вариант алгоритма выявления прецедентного текста. Раскрывается роль «идеального читателя» в свете игровой направленности прецедентного текста. В ключе прецедентности читателю отводится роль «избирателя» прецедентного текста. Отношения между прецедентным текстом и интертекстом представлены в виде древовидной схемы. Внедрение элементов прецедентного текста в новый текст намечает вертикальную ось – глубину, позволяет читателю реализовать особое игровое поведение (условное). Выделены аспекты рассмотрения прецедентности как важной составляющей игровой поэтики художественного текста. Доказывается, что прецедентный текст в новом тексте определяет его глубину, для читателя прецедентный текст определяется как повтор (то, что я уже читал, уже знаю). Использование автором прецедентного текста организует игровую поэтику произведения особого типа.

Abstract

The article reveals the relation of the term intertextuality and the phenomena of precedence. The intertextuality is designated as a specific feature of combining texts in an interdependent single unit. Precedent is defined as one of the manifestations of intertextuality. The distinctive feature of the precedent text is its representativeness. Using precedent texts is presented as one of the ways of organization of game poetics of artistic discourse. It is concluded that in the framework of intertextuality the use of precedent texts is used to achieve a certain goal, draws the depth of the text, allows you to enter a large amount of information through the minimum inclusion. The concept of intertextuality by Y. Kristeva is analyzed, the foundations of which are the ideas of the dialogism and ambivalence of M.M. Bakhtin. Discourse, namely the text in the discursive aspect, is directly related to the intertext. A proof of the representativeness of the case text is the variant of the case text detection algorithm proposed in the article. The role of the “ideal reader” is revealed in the light of the playfulness of the

precedent text. In the key of precedent, the reader is assigned the role of the “voter” of the precedent text. The relationship between case text and intertext is represented as a tree diagram. The introduction of elements of the precedent text in the new text outlines the vertical axis - depth, which allows the reader to realize a special game behavior (conditional). The aspects of consideration of precedence as an important component of the game poetics of an artistic text are highlighted. It is proved that the precedent text in the new text determines its depth, for the reader the precedent text is defined as a repetition (I already know what I have already read). The author’s use of the precedent text organizes the game poetics of a special type of work.

Ключевые слова: интертекстуальность, интертекст, прецедентность, прецедентный текст, прецедентный феномен, прецедентное имя, прецедентное высказывание, игровая поэтика, автор, читатель.

Keywords: intertextuality, intertext, precedence, precedent text, precedent phenomena, precedent name, precedent utterance, playing poetics, author, reader.

Введение

Анализируя развитие семиотики и структурализма в Советском Союзе и на Западе, Ю.М. Лотман пришел к выводу, что «долгую научную жизнь имеют те идеи, которые способны, сохраняя свои исходные положения, переживать динамическую трансформацию, эволюционировать вместе с окружающим миром» [Лотман, 2015, с. 10]. Это утверждение верно и в отношении теории прецедентности, фундаментом которой являются идеи Ю.М. Караулова. Несмотря на множество серьезных исследований в этой области, термин «прецедентный» нельзя отнести к однозначным и устоявшимся.

В последние десятилетия наблюдается всплеск интереса к изучению прецедентности и интертекстуальности, при этом, несомненно, требует отдельного внимания исследователей вопрос о соотношении и разграничении этих понятий, получивший множество интерпретаций. Полноценное исследование такого явления, как прецедентность, в лингвистике и литературоведении невозможно без определения его места, позиции в иерархии категорий художественного дискурса.

Ю. Кристева обозначает новым термином «интертекстуальность» такое «пересечение двух слов (текстов), где можно прочесть по меньшей мере еще одно слово (текст)». Перефразируя открытие Бахтина, Ю. Кристева пишет о том, что «... любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия *интерсубъективности* встает понятие *интертекстуальности*, и оказывается, что поэтический язык поддается как минимум двойному прочтению» (*выделено авторами. – И. Ч.-Ж.; Г.М.*) [Кристева, 2000, с. 429].

Основная часть

Интертекстуальность в трактовке Ю. Кристевой, фундаментом концепции которой являются идеи диалогичности и амбивалентности М.М. Бахтина, приравнивается к коммуникативности, и, следовательно, легко вписывается в современную теорию понимания текста как части дискурса (триединой взаимообусловленной коммуникации (диалога) в форме автор – текст – читатель). Сама исследовательница утверждает, что «диалогизм соприроден глубинным структурам дискурса» [Кристева, 2000, с. 438]. Это уподобление прочитывается в утверждении о том, что «бахтинский "диалогизм" выявляет в письме не только субъективное, но и коммуникативное, а лучше сказать, *интертекстовое* начало...» [Кристева, 2000, с. 432].

Таким образом, интертекстуальность (коммуникативность) следует понимать как свойство текстов быть погруженными в коммуникативное пространство (культурное и историческое окружение), текст впитывает его, «опирается на другую структуру, либо ей противостоит» [Кристева, 2000, с. 428].

Т. ван Дейк также определял дискурс как коммуникативный акт, не ограниченный «рамками текста», включал в понятие дискурса «знание языка, знание мира, другие установки и представления» [Дейк, 1989, с. 122].

В таком случае дискурс, а именно текст в дискурсивном аспекте напрямую соотносится с интертекстом. Это термины для одного явления, но определяющие его с разных позиций. Дискурс – текст в понимании центробежном. Это диалог, зачинаемый автором, движение которого производится «изнутри вовне»: из автора в текст – из текста к читателю – от читателя к автору (здесь явно проявляется этимологическая составляющая термина дискурс: от лат. *Discursus*, **бегание взад-вперед**; движение, круговорот; беседа, разговор). Интертекст – текст в понимании центростремительном. Он, как говорилось выше, впитывает в себя окружающие и предшествующие тексты. Коммуникация проявляется в том, что одни тексты «включаются» в интертекст «на основании согласия», другие – «на основании неприятия (отталкивания)» (М.М. Бахтин определял как «вбирание» и «реплику» (в первоначальном значении – «возражение»)).

В концепцию интертекстуальности Ю. Кристевой уместается и явление амбивалентности Бахтина, которым он говорит, что «всякое письмо есть способ чтения совокупности предшествующих литературных текстов, что всякий текст вбирает в себя другой текст и является репликой в его сторону...» [Кристева, 2000, с. 432].

Из этого следует, что термин *интертекстуальность* Ю. Кристева синтезировала на основе выявленных М.М. Бахтиным в теории литературы явлений диалогичности и амбивалентности. Из терминов изъяли хронотопическую составляющую – сферу включенности. Включенность в коммуникацию «автор – слово (текст) – читатель» – это та составляющая диалогичности, которая вошла в понятие интертекстуальности. Включенность «истории (общества) в текст и текста – в историю» – это та составляющая явления амбивалентности, которая также вошла в понятие интертекстуальности [Кристева, 2000, с. 432].

Обе эти включенности в единстве интертекстуальности исключают возможность нахождения истины, единственно верного осмысления текста. Представляя поэтический язык как «двоицу», поэтическую «параграмму» (определение Ф. де Соссюра), Ю. Кристева делает вывод, что «в интервале от *ноля до двух*» (*выделено авторами. – Г.М.*) «единица» (положительное утверждение, «истина») попросту не существует», а поэтический язык «есть не что иное, как бесконечное множество сцеплений и комбинаций элементов» [Кристева, 2000, с. 433]. В свете интертекстуальности любой художественный текст и его минимальные единицы выступают в виде «*матричной модели*» (определение Ю. Кристевой) и могут одновременно означать *и одно и другое*.

Такой подход к тексту делает его «освобожденным» от единственно верной трактовки, установочных (догматических, тоталитарных) прочтений и превращают читателя в творца – соавтора, которому дается возможность читать «и одно и другое», «или одно, или другое» [Кристева, 2000, с. 435].

Интертекстуальность в понимании Ю. Кристевой имеет «точку отсчета» в хронотопе культурного мира; момент ее зарождения связан с эпохой «разрыва с прежним письмом», разрыва «не только литературного, но также социального, политического, философского». Монологизм предшествующих эпох «есть воплощенный запрет» [Кристева, 2000, с. 434], он религиозен, теологичен и догматичен. Разрыв осуществляется через «развенчивание и ниспровергающую продуктивность». На смену монологизму приходит диалогизм, «который требует категорического разрыва с нормой, предполагая установление между оппозитивными членами неисключающих дизъюнктивных отношений» [Кристева, 2000, с. 435]. Конец XIX века станет исторической вехой разрыва с прежним письмом. Ю. Кристева приписывает зарождение нового письма таким авторам, как Джойс, Пруст, Кафка, В. Маяковский, В. Хлебников, А. Белый и др.

Таким образом, интертекстуальность дискурса – это его «нелинейное» существование в виде мозаичной (матричной) модели, вбирающей в себя предшествующие и совре-

менные тексты, осознанно (неосознанно) автором привлеченные, скрытые (репрезентированные) в новорожденном тексте.

В русле антропоцентрического подхода, принятого в современной науке, вполне возможно сравнение текста в теории интертекстуальности с человеком как биологическим существом. Генотип человеку передается по наследству – текст наследует все предшествующие тексты человечества как геном, ДНК. Фенотип человек получает в ходе жизненного развития на основе генотипа, в ходе жизненных условий – текст вбирает в себя «окружающие» тексты, то есть современные эпохе автора. Фенотип формируется на базе генотипа через трансформации и мутации, как и любой текст формируется на базе «следов» предыдущих и современных текстов в особом их смешении, пермутации и трансформации. Сравните взгляды В. Гумбольдта, который называл языки «живыми созданиями духа», определяя их как неотъемлемую часть духовного развития человечества и в то же время подчеркивая самостоятельность языков. А. Шлейхер рассматривал зарождение языков не с лингвистической, а с биологической точки зрения, представляя язык как живой организм, в развитии своем повторяющий биологическое развитие жизни из простой клетки.

В идеальном варианте интертекст «вбирает» в себя все предшествующие и современные времени его появления тексты, а не только известные автору.

Теория интертекстуальности представляет все тексты в единстве, как некую сеть. Каждый текст связан с несколькими другими. В тексте, известном автору, есть следы полемики и диалога с другими текстами, неосознанные заимствования спонтанного характера. Таким образом, через один знакомый автору текст подключаются тексты другие, неизвестные.

В.Е. Чернявская в работе «Лингвистика текста. Лингвистика дискурса» для иллюстрации феномена текста представила картину Карла Бухайстера «Композиция текст» («Komposition Textem») 1959 г. (рис.1).

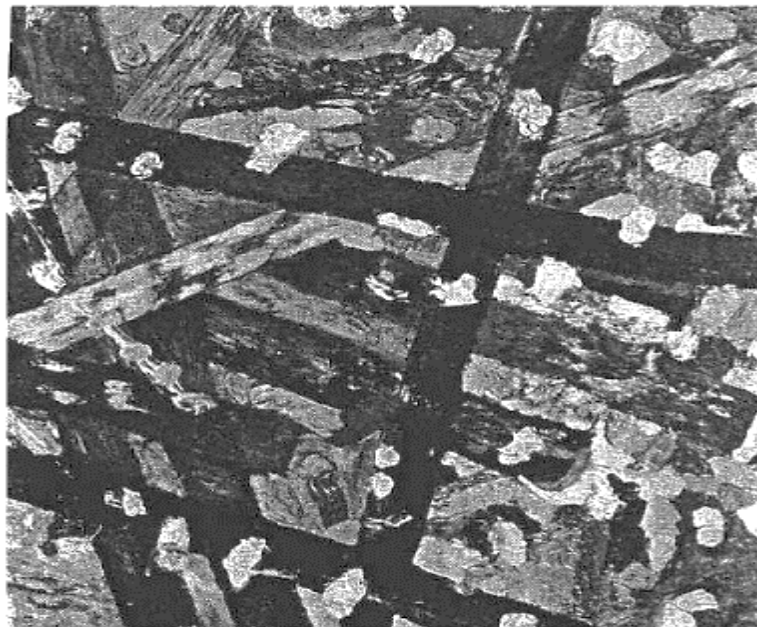

Рис. 1. Карл Бухайстер «Композиция текст» («Komposition Textem») 1959 г.

Fig. 1. Karl Buhaister «Komposition Textem» 1959

Далее следует комментарий: «Изображение оставляет определенное впечатление, а именно, фрагментарности картинке, ее случайной выхваченности из бесконечного континуума. Линии воспринимаются как продолжающиеся далеко за видимыми («формальными») границами рамки» [Чернявская, 2014, с. 13].

В таком видении текста (когда «виден» не сам продукт, а его «состав»), в таком понимании, что составные элементы текста являются составными элементами и других текстов, – меняется лишь комбинация этих элементов, – интертекстуальность является основной: она определяет угол зрения на текст, который перестает быть «вещью в себе», вокруг него существует данность, определяющая его.

Интертекст в таком случае – это текст «без границ», встроенный в «сеть» существующих текстов, «излитый» из этого текстового смещения через нового автора.

Р. Барт формулирует понятие интертекста следующим образом: «Каждый текст является интертекстом: другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык» [Барт, 1989, с. 83].

Выделение ряда текстов, которые общеизвестны, возобновляемы, реинтерпретируемы, потребовало дать определение и таким текстам, и явлению прецедентности.

Прецедентность – способность вмещать в себя прецедентные тексты, которые Ю.Н. Караулов определял как «значимые для той или иной личности в познавательном или эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе языковой личности» [Караулов, 2017, с. 216].

Прецедентными текстами могут быть, в концепции Ю.Н. Караулова, только тексты предшествующих эпох (культур, веков), что и заложено в самом термине (от латин. *praecedens* – идущий впереди). Во-первых, современный текст не может быть известен «широкому окружению данной личности, включая ее *предшественников и современников*» (выделено авт. – И.Ч.-Ж.; М. Г.); во-вторых, чтобы стать прецедентным, он должен «получить интерпретацию у новых и новых поколений», т.е. стать реинтерпретируемым. Следовательно, прецедентный текст – явление *временное* в том значении, что приобрести статус прецедентного для определенной личности (в широком смысле – общества, культуры, нации) текст может, лишь пройдя этап *становления* (общеизвестность), *развития* (возобновляемость) и *трансформации* (реинтерпретируемость), что предполагает определенные временные рамки.

Совершенно ясно, что прецедентность уже понятия интертекстуальности, которая связана со всем многообразием предшествующих и современных текстов.

В отношении текста внешнего целесообразно выяснить, все ли тексты, каким-либо образом отразившиеся в интертексте, являются прецедентными. Прецедентный текст в интертексте, рассматриваемом как «множество явных и неявных цитат» [Чернявская, 2014, с. 79], всегда явное, *репрезентированное* включение. Именно их (включений) «видимость», «читабельность» в интертексте, позволяет читателю угадать то, что значимо для личности и ее окружения «в познавательном или эмоциональном плане» и хорошо известно «окружению данной личности», а значит, и определять такие включения как прецедентные тексты (высказывания, цитаты и т.д.) [Караулов, 2017, с. 216].

Доказательством может выступать вариант алгоритма выявления ПТ:

- читатель обнаруживает в интертексте такой **повтор**, на который из его когнитивной базы следует реакция – извлекается текст-**исток** – прецедент, «идущий впереди»;
- читатель произвольно вовлекается в игровую ситуацию (поиск ответа на загадку) – акцентирует внимание на повторе как сильной позиции текста, сопоставляя прецедентный текст с текстом-«последователем»;

– идеальный читатель (определение В.В. Набокова) не только узнает ПТ, но и «разгадывает» смысл сопоставления. Вовлечение в игровую ситуацию превращает его в сотворца текста;

– читатель вступает в диалог с автором, соглашаясь или не соглашаясь с авторской позицией, синтез ПТ и авторского текста рождает возможность разных интерпретаций текста, варьирования смысла, по определению Ю.М. Лотмана, текст становится «генератором смысла».

Разберемся, что понимается под *повтором*. Мы говорим «повтор», имея в виду *втор* (*вторичное* использование элементов *предшествующего* текста, т.е. ПТ). Так же как слово, не раз употребленное автором, выходит в сильную позицию и требует пристального внимания читателя, так и элемент ПТ в тексте действует как импульс (повторяется то, что читатель уже знает) к развертыванию в тексте предыдущего текста.

Читателю для продуктивной коммуникации необходима репрезентация ПТ, позволяющая определить места текста, где намечается выход на его глубину (ПТ подразумевает наложение (сравнение) текстов, героев, ситуаций). Репрезентированность ПТ в качестве прецедентного имени/прецедентной ситуации (ПИ/ПС) позволяет быстро развернуть хранящийся в когнитивной базе элемент ПТ и решить еще одну творческую задачу: для какой цели прецедентный феномен (ПФ) был введен в текст?

Именно «идеальный читатель» становится распространителем определенных текстов. В основополагающем труде Ю.Н. Караулова ПТ определены только как письменные, вербализованные. И в начальной стадии оформления текста в ПТ стоит читатель. Автор – это «субъект, творец, деятель. Его объект воздействия – читатель, орудие воздействия – текст. С текстоцентрической точки зрения, и автор, и читатель – субъекты, пользующиеся кодом применительно к тексту. Автор зашифровывает, читатель дешифрует информацию» [Чумак-Жунь, Мальцева, 2017, с. 392]. В ключе прецедентности читателю отводится роль (не только в соответствии с его характеристиками как языковой личности, но и соответственно национальной идее, исторической и общественной ситуации) «избирателя» ПТ. Такими «избранными» становятся тексты, которые являются квинтэссенцией глобальных, национальных, общественных идей. В них не только «современный век, и современный человек изображен довольно верно...» (*А.С. Пушкин*), но и то общее, универсальное, что объединяет всю историю культурных эпох (вечные темы, доминанты культуры).

Автор рождается из среды читателей. Если его творение – диалог с читателем (а он часть этой читательской среды), то для продуктивной коммуникации требуется обращение к общему, фундаментальному, способному превратить чтение в диалог, текст в дискурс. ПТ как пуповинная нить связывает автора и читателя в едином культурном пространстве. Именно обращение к ПТ позволяет в авторский диалог с современным и будущим привлечь фундаментальное, предшествующее. Авторская реплика направляется одновременно и к читателю, и к ПТ, выявляя отношение автора к ПТ. Диалог становится двунаправленным.

ПТ и его Автор ← Автор → Читатель

Кроме того, апелляция к ПТ как квинтэссенции культурного опыта прошлых эпох представляет собой особую систему хранения и передачи информации, обеспечивает бессмертие высших достижений человеческой мысли. Именно эта особенность ПТ как элемента интертекстуальности выделяет его среди иных, неявных связей с другими текстами. Репрезентированность ПТ, но такая, которая таит в себе загадку, располагает к игре, заставляет читателя осознавать свою принадлежность к культуре (не только к культуре своей страны, нации, но и к мировой), чтобы и самому быть звеном передачи культурного кода.

Если схематизировать отношения между ПТ и интертекстом, то такая схема будет напоминать древо (рис. 2).

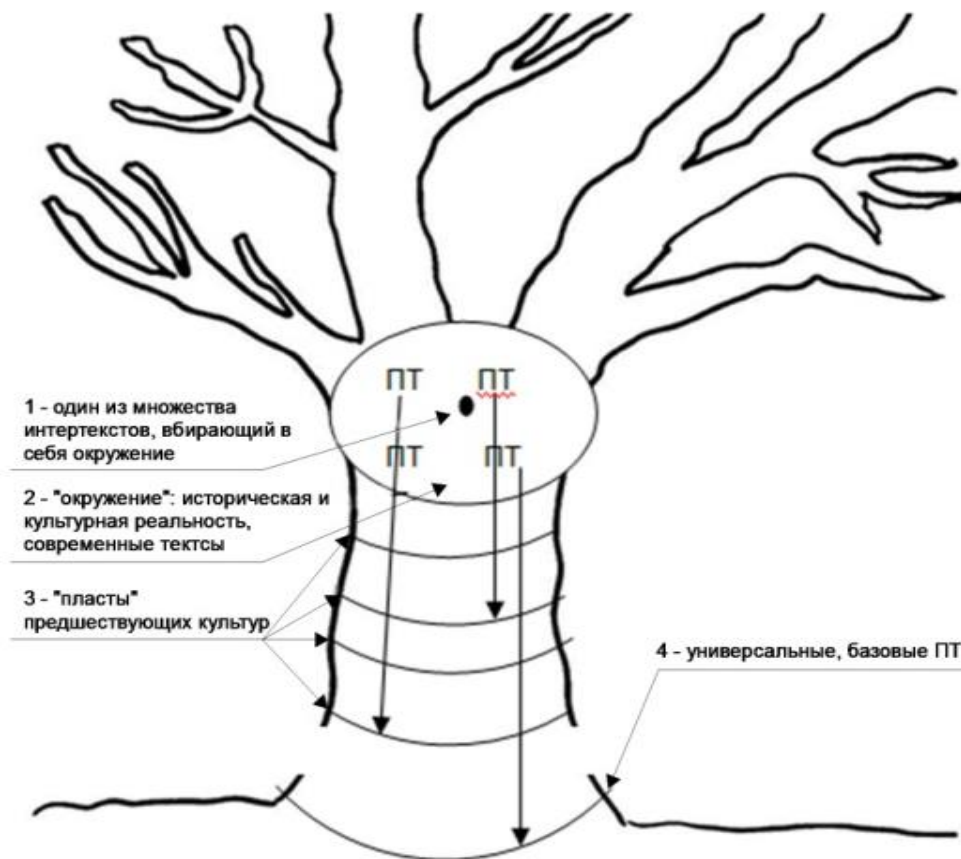

Рис. 2. Соотношение понятий ПТ и интертекст
 Fig. 2. Relations between the concepts PT and intertext

Древовидная схема выявляет постоянное «прорастание» ПТ на *поверхность современности*, а также постоянное вглядывание современности в глубину текстоматрицы посредством обращения к ПТ.

Особенно важной в рамках нашего исследования является отмеченная в работе Ю.Н. Караулова связь ПТ с игровой поэтикой дискурса. Исследователь отмечает, что семиотический способ существования, который подразумевает ввод ПТ в текст-реципиент через намек, оформляет диалог автора и читателя в игровой форме: «... в речь (дискурс, текст) говорящего, в его аргументацию вводится текст..., и ввод этот осуществляется подобно замыканию наведенной в сознании слушающего рефлекторной дуги, дуги условного рефлекса: намек (цитата или имя) – и вот уже определенное явление социально-психологического характера или какое-то событие общественно-политического, исторического значения оживает, активизируется в сознании слушателя, **прецедент вступает в игру**» [Караулов, 2017, с. 217].

Внедрение элементов ПТ в новый текст намечает вертикальную ось – глубину, позволяет читателю реализовать особое игровое поведение (условное). Как условие более глубокого осмысления авторского текста выступает прецедентный феномен (прецедентное имя, прецедентное высказывание). Читателю не остается ничего другого, как развернуть в сознании свернутый инвариант ПТ, сопоставить, наложить его на авторский текст.

Важно отметить, что игровая поэтика, свойственная в большей степени модернистскому и постмодернистскому тексту, имеет целью не только (и не сколько) развлечение читателя, но обладает абсолютно неповторимой способностью достижения удо-

вольствия интеллектуального, когда читателю дается возможность разгадывания. Одновременно ПФ в тексте – это *пропуск для своих*, тех, кто принадлежит к той культуре, которую представляет автор.

Прецедентность в рамках исследования категории игры в художественном дискурсе может быть рассматриваема в следующих аспектах:

– как способ существенного расширения семиотического пространства текста, его трансформации, вовлечения читателя в некий «лабиринт смыслов»;

– как инструмент моделирования нарративной структуры текста по типу «одно в другом» – «текста в тексте» – текста-матрешки»; декодирование таких сложных многоуровневых структур уподобляется интеллектуальной игровой практике;

– как инструмент игры с читательской культурной компетенцией. «С одной стороны, автор по произволу меняет объем читательской памяти и может заставить аудиторию, вспомнить то, что ей было не известно. С другой, читатель не может забыть реально-го содержания своей памяти. Таким образом, одновременно текст формирует свою аудиторию, а аудитория свой текст» [Лотман, 2015, с. 105].

– как «связующая нить» культур, эпох, традиций, переплетение которых с вторичной моделирующей системой текста (термин Ю.М. Лотмана) рождает новый синтезированный смысл. «Чужая» организация, даже будучи перенесена в новый структурный контекст, перестает быть равной сама себе и делается знаком или имитацией самой себя» [Лотман, 2015, с. 77]. «Текст, выведенный из состояния семиотического равновесия, начинает выступать как «генератор смыслов» (термин Лотмана)» [Шлейхер, 1864, с. 85].

Выводы

Итак, **интертекстуальность** является специфической особенностью организации множества текстов в единое взаимосвязанное и взаимообусловленное целое, предполагающее, что любой вновь созданный текст состоит из явных и неявных цитаций из других текстов. **Прецедентность** как одно из проявлений интертекстуальности предполагает возможность использования в новом тексте элементов предшествующих текстов, известных не только автору, но и его окружению и далее – нации, всему человечеству. Прецедентный текст – всегда явное включение, потому одной из его особенностей является **репрезентированность** в тексте (в виде ПФ: ПИ, ПВ). Использование ПТ автором всегда осознанно, применяется для достижения определенной **цели** (увеличение качества коммуникации с читателем за счет общего фундаментального знания). ПТ в новом тексте определяет его **глубину** (подтекст), для читателя ПТ определяется в тексте как **повтор** (то, что я уже читал, уже знаю). Использование автором ПТ организует **игровую поэтику** произведения особого типа. В новый для читателя текст (постигаемое – неизвестное – знание, которым обладает только автор) вводится в виде микрокластера (одно-два слова; небольшая цитата) цельная глыба предшествующего текста (известное знание, которым обладают и читатель, и автор). Таким образом, введение ПТ в текст делает его компактным, позволяя через минимальное включение ввести большой объем информации. Читателю предоставляются отличные от реальных условия (игровые): возможность смены хронотопы, включение творческого воображения, разрушающего рамки и стереотипы реального мира. Ему не подают готовую информацию в назидательном виде, а заставляют разрешить интеллектуальную загадку – что стоит за использованием ПТ? ПТ через игровую ситуацию делает читателя полноправным соавтором, сотворцом нового текста, являясь фундаментом, объединяющим читателя и автора в единое целое.

Список литературы

References

1. Барт Р. 1989. Избранные работы: семиотика: поэтика. М., Прогресс: 181.
Bart R. 1989. Izbrannye raboty: semiotika: poehtika [Semiotics and Poetics]. М., Progress, 181. (in Russian)
2. Гумбольдт В. Фон. 1984. Избранные труды по языкознанию, пер. с нем., М., Прогресс: 400.
Gumbol'dt V. Fon. 1984. Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu [Selected Works in Linguistics]. per. s nem., М. Progress: 400. (in Russian)
3. Дейк ванн Т.А. 1989. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 312.
Dejk vann T.A. 1989. Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya [Language. Kommunikation]. М.: Progress, 312. (in Russian)
4. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. 1997. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов. В кн.: Язык, сознание, коммуникация. М., Филология, 192.
Zaharenko I.V., Krasnyh V.V., Gudkov D.B., Bagaeva D.V. 1997. Precedentnoe imja i precedentnoe vyskazyvanie kak simvolyy precedentnyh fenomenov [Precedent name and precedent utterance as symbols of precedent phenomena]. In: Language, might, communication. М., «Filologija», 192. (in Russian)
5. Караулов Ю.Н. 2017. Русский язык и языковая личность. М., Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 264.
Karaulov J.N. 2017. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' [Russian Language and Linguistic Personality]. М., Knizhnyj dom «LIBROKOM», 264. (in Russian)
6. Кристева Ю. 2000. Бахтин, слово, диалог, роман. В кн.: Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М., ИГ Прогресс: 427-457.
Kristeva JU. 2000. Bahtin, slovo, dialog, roman. V kN.: Francuzskaja semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu [Bakhtin, the word, dialogue and romance]. М., IG Progress: 427-457. (in Russian)
7. Kristeva Julia. 2004. Избранные труды: Разрушение поэтики. Пер. с франц. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 656 с.
Kristeva Julia. 1980. Desire in Language: A Semiotic Approach to Language and Art. New York., Columbia University Press, 73.
8. Лотман Ю.М. 2015. Внутри мыслящих миров. СПб., Азбука, Азбука-Аттикус, 416.
Lotman JU.M. 2015. Vnutri mysljajawih mirov [Inside the thinking worlds]. SPb., Azbuka, Azbuka-Attikus, 416. (in Russian)
9. Лотман Ю.М. 1970. Структура художественного текста. М.: Искусство, 324.
Lotman, Yu.M. 1970. Struktura khudozhestvennogo teksta [The structure of the literary text]. Moscow: Iskusstvo, 324. (in Russian)
10. Махлин П.Я. 2013. Как сказать по-русски: Занимательная этимология. К., Феникс, 294.
Mahlin P.JA. 2013. Kak skazat' ro-russki: Zanimatel'naja jetimologija [How to say in Russian: Entertaining etymology]. К., Feniks, 294. (in Russian)
11. Топоров В.Н. 1983. Пространство и текст. Текст: семантика и структура. М., 324.
Toporov, V.N. 1983. Prostranstvo i tekst [Space and text]. In: Tsivyuan, T.V. (ed.) Tekst: semantika i struktura [Text: semantics and structure]. Moscow: Nauka. (in Russian)
12. Ушаков Д.Н. 2005. Толковый словарь современного русского языка. М., Альта-Пресс, 1216.
Ushakov D.N. 2005. Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka [[Explanatory dictionary of the modern Russian language]. М., Al'ta-Press, 1216. (in Russian)
13. Чернявская В.Е. 2014. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М., ЛЕНАНД, 200.
CHernjavskaja V.E. 2014. Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa [Linguistic text. Discourse Linguistics]. М., LENAND, 200. (in Russian)

14. Чумак-Жунь И.И.; Мальцева Г.Ю. 2017. Художественный дискурс: к вопросу осмысления термина. Текст в культурном, историческом, языковом пространстве: материалы Международной заочной научно-практической конференции Московский финансово-юридический университет МФЮА. М., 548.

СHumak-ZHun' I.I.; Mal'ceva G.JU. 2017. Hudozhestvennyj diskurs: k voprosu osmyslenija termina [Artistic discourse: the question of understanding the term]. Tekst v kul'turnom, istoricheskom, jazykovom prostranstve: materialy Mezhdunarodnoj zaочноj nauchno-prakticheskoj konferencii Moskovskij finansovo-juridicheskij universitet MFJUA. M., 548.

15. Шлейхер А. 1864. Теория Дарвина в применении к науке о языке. Спб., 14.

SHlejher A. 1864. Teorija Darvina v primenenii k nauke o jazyke [Darwin's theory as applied to the science of language]. Spb., 14. (in Russian)

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Чумак-Жунь И.И., Мальцева Г.Ю. 2019. Вгровая направленность прецедентного текста в свете теории интертекстуальности. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки, 38 (2): 253-262. DOI: 10.18413/2075-4574-2019-38-2-253-262

Chumak-Zhun I.I., Maltseva G.Y. 2019. The game focus of precedent text in view of theory of intertextuality. Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities series, 38 (2): 253-262. (In Russian). DOI: 10.18413/2075-4574-2019-38-2-253-262